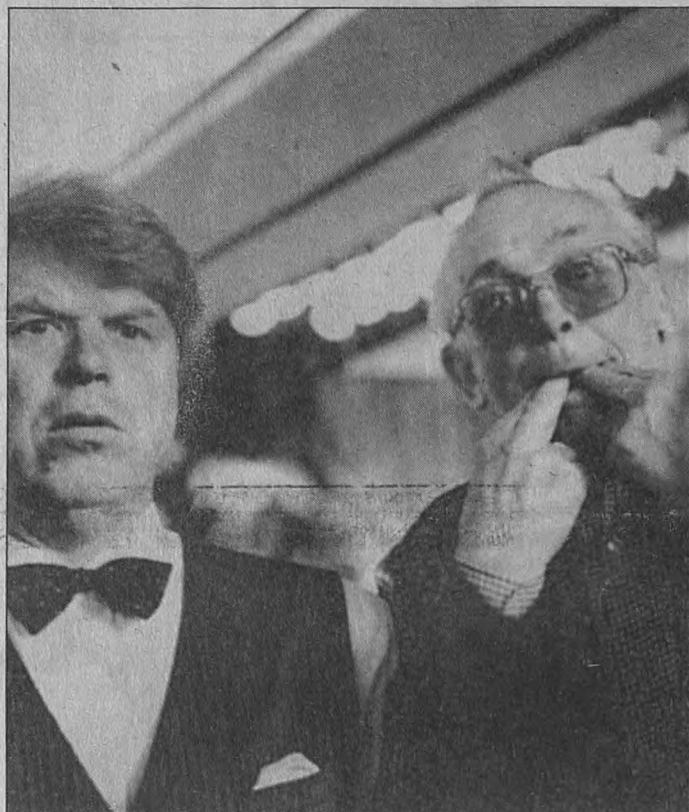

Известному отечественному комедиографу сегодня исполнилось бы 80 лет

Леонид Гайдай (справа): человек с задором и присвистом

Многим комедиям Гайдая по 30—40 лет, а они по-прежнему с нами и в будни и тем более в праздники. Начиная с «Пса Барбоса» и кончая «Дерибасовской», от которой до Брайтон-бич рукой подать.

До каждой из его комедий сегодня рукой подать. Они все рядом, на слуху и на виду. Уж какая у них нынче на экранах телевизора конкуренция, а его Шурик со своими партнерами и приключениями никому из нынешних киногероев не уступает. Картины Гайдая образовали что-то вроде отдельной территории, суверенной страны внутри нашего кинематографа, куда, впрочем, никому вход не заказан. Куда каждый не прочь заглянуть, особо в минуту усталости, стресса... Страну эту можно было бы назвать по старинке — Центральный Парк Культуры и Отдыха им. Гайдая. Можно более доходчиво — Гайдайленд.

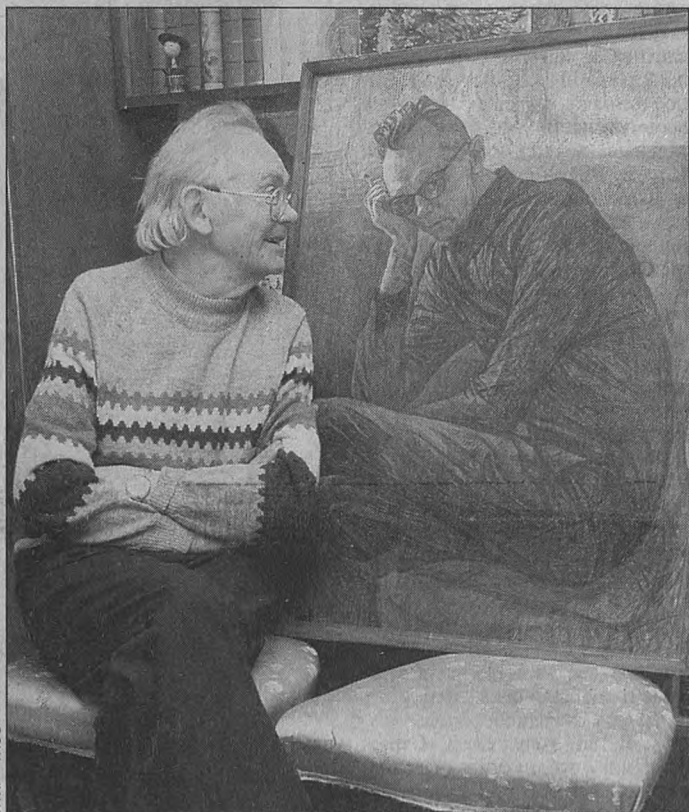
Юрий БОГОМОЛОВ

Леонид Гайдай, после того как окончил ВГИК, ничего, кроме комедий, не снимал. Про него можно было бы написать роман а-ля Пюго — «Режиссер, который смеется». В природе, в характере этого мастера было нечто такое, что обрекало его на комедийное формотворчество.

Гайдай — комедиограф послевоенного призыва. Он пришел в наше кино, когда оно возрождалось. А возрождалось оно, как мы помним, постоянно — какое десятилетие ни возьми. Сегодня, говорят, опять у нас ренессанс.

Тогда оно оживало после печального периода малокартинья. Ученик Григория Александрова начал не слишком выразительно — комедией «Жених с того света». Сейчас ее время от времени показывают. Вполне традиционная советская картина. Не по-гайдаевски тяжеловесная, исполненная обличительного пафоса. Но несомненно исторический интерес она представляет. Хотя бы потому что главную роль в ней сыграл Ростислав Плятт.

Сам же Гайдай начался с короткометражной ленты «Пес Барбос и необычный кросс». Именно в ней можно найти истоки поэтики и эстетики всех по-

ИТАР-ТАСС

Режиссер, решивший всмотреться в себя

следовавших гайдаевских картин. Экранизировал ли он О. Генри («Деловые люди»), Ильфа и Петрова («Двенадцать стульев»), Булгакова («Иван Васильевич меняет профессию»), снимал ли самые свои заразительные комедии «Операция «Ы»», «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука»...

Уже в этой короткометражке мы находим то, на чем держатся все его комедии — погони, подстегиваемые музыкой Александра Зацепина, монтаж нечаянных и негладных гэгов и пристрастие к маскам.

Его комедии не были комедиями характеров. Но и комедиями только положений их неправильно было бы называть. Скорее — комедиями масок. В 60-е годы работа с масками оказалась, как сегодня бы сказали, «ноу-хау» Леонида Гайдая. Он возродил в нашем отечестве редкий жанр кинематографа — комический, мастерами которого в свое время были Чаплин, Китон, Ллойд. После войны в этом жанре работали французы Жак Тати и Пьер Этекс.

С Балбесом, Трусом и Бывалым все понятно — это, можно

сказать, очевидные маски. Но ведь и Шурик был маской — такой конденсат наивности, простодушия и рыцарской самоотверженности. Так ведь в этом смысле Шуриком был и пес Барбос, который в своем собачьем идеализме и в своей собачьей преданности браконьерам ставил их все время в неловкое положение.

В этом же смысле Шуриком оказался герой Юрия Никулина в «Бриллиантовой руке».

Шуриками были Остап Бендер (в «12 стульях»), изобретатель машины времени (в «Иване Васильевиче»), Иван Александрович Хлестаков (в «Инкогнито из Петербурга»).

Обезоруживающая зло наивность живет и побеждает в комической ленте Леонида Гайдая.

Да и он сам был в значительной степени Шуриком, раз так преданно, самозабвенно служил своему жанру.

80 лет, как он родился, и десять из них, как его нет с нами, а кажется, что мы с ним и не расставались. Это потому что после него остался парк гайдаевского периода, в просторечии именуемого «Гайдайленд».

Свой первый фильм Гайдай снял о шофере-стотысячнике

Накануне юбилея Гайдая иркутский режиссер Лиана Черепанова обнаружила первые кинематографические работы Леонида Гайдая. Фильмы, снятые 52 года назад, сохранились чудом. Семья Гайдая переехала в Иркутск, когда Лёне исполнилось восемь лет. Отец Иов Исидорович был осужден по делу об экспроприации денежных средств у крупного свеклопромышленника Быданова на дело революции. После скитаний по тюрьмам, в том числе отсидки в Иркутском и Александровском центрах, и каторжных работ отец Леонида Иовича работал на Восточно-Сибирской железной дороге.

Летом 1951 года студент ВГИКа Гайдай приехал в качестве практиканта в Иркутск, где жили его родители, на студию кинохроники (сегодня Восточно-Сибирская студия). Ему нужно было сделать два короткометражных документальных фильма. Первый киноопус Гайдая повествовал о шофере-стотысячнике. В архивах студии осталась только копия без звука — во время переписи с горючей пленки на негорючую он пропал. Но сюжет понятен: шофер, который проехал на своей машине сто тысяч километров без капремонта, дал повышенные обязательства — вдвое увеличить собственное достижение. В поселке Качуг под Ир-

кутском его провожают друзья, герой едет в рейс. В то время фильмы делались на горючих пленках. Как говорит Лиана Черепанова: «Они были похожи на порох, с пленками нужно было очень осторожно обращаться. Вскоре нам пришлось распоряжение — горючие пленки уничтожить. Но мы решили сохранить архивы — переписали на негорючие пленки». Эти-то пленки и пролежали в забвении 52 года.

Организаторы юбилейных торжеств почему-то отказались включить первые работы Гайдая в программу показа. Вроде бы они не вписались в программу.

Ирина ЛЕНЬШИНА, Иркутск